

РУСТЕМ ГАЛИУЛЛИН

ОТЕЦ И СЫН

РАССКАЗ

Снег валит стеной. Начавшийся с раннего утра буран к вечеру и не думает стихать. Вдобавок с каждым часом становится всё холодней и холодней. Натянув по самые брови кроличью шапку, с головой укутавшись в плотный бешмет, сквозь который всё равно проступает нажитый непосильным трудом горб, тяжело подволакивая ноги, обутые в огромные, “подкованные” калошами валенки, дед Галим подходит к калитке, успевшей попасть в плотный снежный плен, распахивает ногами сугроб, отворяет покосившуюся створку, заставляя её при этом исполнить короткую, но очень жалобную песню, и, озлобленно скрипя слежавшимся снегом, выходит на улицу.

Деревня пустынна и безжизненна, лишь резвящиеся и соударяющиеся снежинки — единственные божьи создания, кто проявляет некое подобие жизни. Издалека, с того конца улицы, пробивающийся сквозь густую паутину снега свет единственного фонаря на телеграфном столбе настолько тускл, что старик Галим с трудом его различил.

— Хорошо, что именно на въезде в деревню лампа горит, — то ли вслух произнёс он, то ли про себя подумал.

Ещё некоторое время дед, подставив тыльную сторону ладони под нещадно жалящую мошкарку снега, вглядывается в ту сторону, но, так ничего и не разглядев, отправляется домой.

ГАЛИУЛЛИН Рустем Гусманович родился в 1987 году в деревне Наласа Арского района Республики Татарстан. В 2009 году окончил факультет татарской филологии и истории Казанского государственного университета. Работает редактором отдела в журнале “Казан утлары” (“Огни Казани”). Член Союза писателей и Союза журналистов Татарстана. Живёт в Казани.

— Если и дальше так будет штормить, то к утру завалит нас по лысую макушку. — Ворчливо бубня, он предусмотрительно распахивает настежь ворота. словно только этого и ждали, хаотично мечущиеся вдоль улицы снежинки дружно рванули к ним во двор и, втянутые воронкой смерча, закружились в бешеном хороводе. А когда старик потянул на себя ручку двери, извивающаяся, словно в такт завывающей музыке, воронка приблизилась к нему и успела больно хлестнуть по лицу, простуженно кашлянув снегом в глаза.

— Не видать? — бабка Закия в который раз за сегодняшний день задаёт этот вопрос.

— Нет, — еле слышно отвечает дед Галим. Непонятно почему, но он чувствует себя виноватым.

Старуха, проскрипев заржавленными пружинами кровати, переворачивается на другой бок.

— Позвонила бы, что ли... — нерешительно предлагает дед Галим.

— Сколько можно говорить, не берёт он трубку-то. Пока ты на улице был, я несколько раз набирала. Какая-то баба талдычит по-русски одно и то же.

Старикам сотовый телефон подарил их сын Гумар. Как-то, приехав погостить, он оставил им трубку, сказав напоследок:

— Сегодня я в Казани, а завтра — уже в Москве. Работа у меня такая. А вы теперь по этой трубке можете хоть каждый день мне звонить. С мобильником нам никакая разлука не страшна: я за вас не буду волноваться, надеюсь, что и вы за меня тоже.

Галим и Закия, надев очки с толстыми “плюсовыми” линзами, подсаели к сыну и с серьёзным выражением на морщинистых лицах выслушали инструктаж, а потом и на практике опробовали все возможные ситуации: когда им нажимать на кнопку с зелёной трубкой, а когда с красной. Их усердие не прошло даром: хотя бы раз в неделю они слышали голос дорогого сыночка. Как сказала однажды Закия, эта игрушка стала старикам вторым ребёнком. Они держали трубку на самом почётном месте: за стеклом старого серванта с поблекшей полировкой и перекошенными дверцами, рядом с раскрашенными вручную фотопортретами времён своей молодости. Теперь старики, едва переступив порог дома после кратковременного отсутствия (кто в магазин сходил, кто по хозяйству хлопотал во дворе), перво-наперво спрашивали:

— Телефон не звонил?

Последний раз они разговаривали с Гумаром дней десять тому назад.

— Соскучился я по дому. И с вами очень хочу повидаться. Приеду вечером, аккуратно к новогоднему столу, ждите, — пообещал он в тот раз.

До сих пор телефон не подводил стариков. А сегодня, когда им так необходимо позвонить, не может соединиться.

Галим, не зная, куда приткнуться, включает телевизор.

— Куда так громко-то?! Выключи, по мозгам бьёт! — ворчит на него старуха.

Некоторое время, поглазев отсутствующим, абсолютно пустым взглядом в темный угол комнаты, дед берёт в руки читанную-перечитанную районную газету, содержание которой знает почти наизусть.

— Расшуршался тут! — шипит на него Закия, отрывая голову от подушки.

“Ох, и зла же ты сегодня, бабка, чисто змея”, — костерит в душе жену дед Галим.

Правда, Закия и раньше-то не была тихоней. Но с возрастом её характер становится день ото дня суровее. Прежде Галим, будучи в силе, прикрикнет, бывало, на жену разок, и та, хоть ненадолго, но замолкала, подчинялась мужу-то. Закия, не зная, как приструнить расшалившегося Гумара, не раз страдала его отцовским гневом, от слов “Папа ругаться будет!” сын становился, как шёлковый. А когда Гумар вырос и уехал из деревни, Закия как-то вдруг и сразу стала единовластной хозяйкой в доме. Острый на язык сосед Джавит-абзы, выйдя на пенсию и законно обретя звание “старикан”,

беседуя как-то раз на завалинке, сказал фразу, в мудрости которой удостоверился теперь и Галим:

— Слышь, сосед, оказывается, мы, мужики, можем дёргать вожжи так, как нам угодно, только пока молоды и полны сил, пока наши дети ещё не выросли. Но когда спины наши сгорблены, а в доме не протолкнуться из-за подселившихся зятьёв да невесток, то командовать начинают женщины.

Когда Галим с Закиёй остались одни, старуха начала вскипать по поводу и без, только и выискивала, в чём бы ещё обвинить Галима. И куда подевались прежние ласковые подколки: “А суп-то у тебя солоноват, а чай-то твой слишком горяч, уж не любовь ли тут, часом, замешана?” Боже упаси от её теперешнего характера!

Галим очень уважительно относится к Джавит-абзы, но после одной стычки никак не может простить ему обидные слова в свой адрес. Короче, галимовские куры, “положив глаз” на джавитовского петуха, что ни день убегали к нему на свидания и яйца тоже начали класть “за кордоном”, вот из-за этого и разгорелась между соседями ссора. Галим, в общем-то, не собирался мелочиться. Но, послушавшись Закию, упрекнул Джавита-абзы в присвоении чужих яиц. Слово за слово, жезлом по столу, дошли до того, что сосед нанёс ему нелепую рану:

— Чем курам под гузку заглядывать, тебе надо было за своей ненаглядной Закиёй получше присматривать. Ты до сих пор думаешь, что своего ребёнка на ноги поставил? Разуй глаза-то: Гумар ваш — вылитый шабашник Хайдар! Не зря говорят, что яблоко от яблони недалеко падает. В своё время отец Хайдара ушёл из семьи, оставив ребёнка на попечение матери, вот и он теперь пошёл по отцовским стопам. Да и Гумар тех же кровей, как я погляжу. Который год уже колотится лбом то в одну стену, то в другую, и ни одной не прошиб...

Неделю Галим ни с кем не разговаривал. Бабка Закия не знала, что и думать, на кого грешить: “Подменили, что ли, деда-то?”

В ушах целыми днями слоняющегося по двору Галима звенели слова Джавита-абзы: “Сын шабашника Хайдара!”. Галим никогда не испытывал на себе томных женских взглядов, не был предметом обожания ни в юношеском возрасте, ни в зрелом. Переваливший за “тридцатник”, ничего, кроме нескончаемой работы, не познавший в этой жизни Галим лишь с подачи матери женился на Закие, на лбу которой к тому времени уже успело проступить несмываемое, казалось бы, тавро “старая дева”. Правда, по деревне шёл слухок, что Закия неспроста засиделась в девках-то, мол, она ждёт своего возлюбленного Хайдара, только вот шабашествующий рыцарь почему-то не спешит вскочить на белого коня, чтобы предстать “пред светлы очи ея”. Прожившая всю жизнь с кротким и безропотным, как телёнок, мужем, мать Галима не стала обращать внимания на сплетни да пересуды — женила сына на Закие.

Скупа на любовь оказалась Закия. Да и Галим особо не баловал жену. Может, из-за этого Закия, родив Гумара, больше не захотела рожать, а может, здоровье ей не позволило? Галим вопрос о наследниках ребром не ставил. Так и остался Гумар единственным ребёнком в семье.

— С чего это мой сын, которого я вырастил и воспитал, оказался вдруг хайдаровским? — Галим сжал кулаки. — Закия, хвала Аллаху, честная женщина и верная жена, ни один человек не может сказать о ней ничего плохого.

До чего довела бы Галима свистопляска обжигающих мыслей, страшно даже представить, но в конце этой непростой для их семьи недели в деревню приехал Гумар. Всмотриваясь в его сухощавую, чуть выше среднего роста фигуру, в удлинённую лопухую физиономию с внимательным взглядом зеленоватых глаз из-под густых бровей, в пару крупных заячьих резцов, издалика видных встречному люду, Галим пытался найти в сыне схожие с ним самим в юности черты или хотя бы чёрточки. Едва переступив порог родного дома, Гумар, обезоруживающе улыбаясь, приветственно протянул отцу обе руки:

— Здравствуй, папа! — и в ту же секунду жалящий рой чёрных мыслей куда-то улетел из отцовской головы, улетучился...

Но когда шабашник Хайдар, устав скитаться по чужим краям, на старости лет вернулся в родной аул, в памяти Галима всплыли и слова Джавита-абзы, и причинённая этими словами обида. Встретив на улице Хайдара, он снова и снова изводил себя, мысленно сопоставляя престарелого шабашника с образом сына. Вот он опять идёт по их улице. Прежде выделявшийся в толпе односельчан своим высоким ростом, почти на голову выше остальных, Хайдар теперь стал значительно ниже, тянет, видать, к себе земля-то. И голова уже не столь гордо запрокинута, мол, посмотрите, кто перед вами, а взгляд всё больше под ногами шарит, будто чего-то там выискивает. Подёрнутые серебром волосы по-прежнему густы, но спутаны в невообразимый клубок на затылке, спереди же безобразными сальными сосульками спадают на глаза. Худые плечи обвисли, будто на них давит тяжеленный груз, из-за чего Хайдар кажется инвалидом-горбуном. Лицо изборождено глубокими морщинами, наполовину седые усы печально поникли... Нет, несколько не похож этот старец он на его пышущего здоровьем сына! С каждым днём всё больше убеждаясь в том, что Гумар — его родной сын, Галим, в конце концов, окончательно успокоился. Шабашник Хайдар вызывал теперь в нём только жалость и сострадание. Сменив столько городов в поисках лучшей доли, так ничем и не разжился, бедолага. Однажды Галим собственными ушами слышал, как Хайдар возле магазина сетовал на жизнь местной па-тии-братии:

— Хорошо, что у меня кровь особенная. Редкой группы. Когда деньги кончаются, я подрабатываю сдачей крови...

— Эй, дед, оглох, что ли, кому я говорю-то, стенам? Кажется, к нам кто-то стучится... — кричит на старика Закия, приподняв голову над снежным холмом двойной подушки.

Дед Галим бежит за дверь в одной рубашке.

— Это ветер стучит, — говорит он, вернувшись.

Он озабоченно смотрит на жену: у неё же сегодня сердце внезапно прихватило. То ли продуло её, пока стояла на улице в ожидании Гумара, то ли из-за бурана давление резко подскочило, в чём причина — непонятно. С самого утра с кровати не встаёт.

— Кажется, Гумар приехал, — опять приподнявшись над подушками, говорит Закия.

И вправду, слышен стук в дверь. Закия — и откуда только силы взялись? — садится на койку и поправляет платок. В дверном проёме — Мансур, сын соседа Джавита-абзы. Жестом подозвав хозяина, он говорит, медленно цедя слова сквозь замёрзшие губы, чтобы, не дай бог, не услышала бабка Закия:

— Галим-абзы, Гумар перевернулся.

— Ох! — коротко выдохнула Закия. Как она расслышала этот шёпот, непонятно? — Он жив?

— Жив-то, жив, но состояние тяжёлое. Машина несколько раз кувырнулась, а потом ещё и в столб врезалась. Крови много потерял...

— Где он? — оборвав Мансура, спрашивает Галим.

— В больнице. Я из Казани возвращался, вижу — у обочины скопились машины. Гумара я сразу узнал. Своими глазами видел, как его увезли...

— Ох, сыночек мой, Гумар!.. — запричитала-заплакала Закия.

— Его состояние, как я понял, очень тяжёлое, Галим-абзы. Айда, поедem в больницу. Я на машине.

Дед Галим одним движением срывает с крючка видавший виды бешмет и накидывает на плечи, обувает валенки, хватая шапку и выходит вслед за Мансуром.

— Ты куда? Я с тобой! — Увидев, что Закия на подламывающихся ногах выходит в дверь, дед Галим возвращается.

— Галим-абзы, не опоздать бы, — кричит Мансур.

— Сейчас, сейчас. Карчык (старуха), ты успокойся, пожалуйста, поставь чайник на огонь и жди нашего возвращения. А мы с Гумаром не заставим тебя долго томиться, — наставляет он жену и уходит.

Вся улица укрыта толстым слоем снега. Мансур, оказывается, оставил машину на въезде в деревню. Как дошёл до автомобиля, сколько добирался до больницы, дед Галим не помнит. Всю дорогу его будто кто-то бил по голове большой железной трубой. Противный болезненный гул “данк-донк-данк” словно перемежался в мозгу отчаянными вскриками: “За что? Почему? Сын, Гумар!”

...Как они вошли в больницу, как прорвались через пост и достигли реанимации, в которой лежал Гумар — они и сами не поняли. Увидев врывающихся в палату Мансура, старика Галима и упорно пытающегося задержать их охранника, дежурный врач — мужчина средних лет с длинным шрамом вдоль щеки, облачённый, как и положено, в белый халат, и медсестра в таком же белоснежном одеянии на несколько мгновений замерли в растерянности.

— Чу, успокойтесь, всё хорошо, — сказал им дежурный врач. — А сейчас выйдите, пожалуйста, не мешайте работать!

Медсестра, взяв за руку с одной стороны, а Мансур, подхватив под локоть с другой, осторожно вывели старика в коридор.

— Он жив?! — с мольбой в голосе спросил её дед Галим.

— Успокойтесь, — повторила девушка слова врача.

— Сын, Гумар!

— Успокойтесь, умоляю вас. Ждите в коридоре!

Присев на стул в длинном узком коридоре, дед Галим всё равно не смог успокоиться, ему не хватало воздуха, сердце его бешено колотилось, голова безудержно кружилась.

— Он потерял много крови. Мы влили ему порцию крови из резерва, перевязали раны...

— Он выживет? — перебил дед медсестру.

— Конечно, — ничуть не сомневаясь, ответила девушка. — Он время от времени приходит в сознание. Умница он у вас, очнувшись, сумел даже вспомнить и назвать нам группу своей крови. Очень редкая, кстати, — четвёртая. Хорошо, что в больнице был достаточный запас крови. Вдобавок мы послали машину за донорами, у которых такая группа, скоро они должны подъехать.

— Чего их ждать, возьмите у меня! — предложил дед Галим.

— А у вас точно четвёртая группа?

— Наверное. Я же его отец! Ну же, берите...

— Успокойтесь! Я же сказала вам, доноры подъедут с минуты на минуту.

— Я его отец, кровь у нас одинаковая!..

— Остановитесь, умоляю... Не всё так просто, у детей кровь не всегда совпадает с родительской...

— Галим-абзы, успокойся, — пришёл на помощь Мансур.

— Берите у меня! — настаивал на своём дед Галим. — Я его отец!

— У него и позвоночник, и внутренние органы повреждены. Сейчас должны подойти главврач и хирург, — украдкой шепнула Мансуру медсестра.

— Почему вы не берёте у меня кровь? — вскочил со стула обезумевший от горя старик.

— Хватит, Галим-абзы, успокойся, — усадил его на прежнее место Мансур.

Медсестра удалилась в палату.

— Сын, Гумар... — простонал дед Галим.

В эту минуту в коридор вошла группа шумно переговаривающихся людей. Среди них был и Хайдар. Они, на ходу скинув с себя верхнюю одежду, сложили её на стул и торопливо засучили по локоть по одному из рукавов.

— Вам сюда, — завела медсестра Хайдара в палату, где лежал Гумар.

Дед Галим, вырвавшись из рук Мансура, пулей метнулся к двери.

— Ложитесь, — дежурный врач показал на приготовленную возле кровати Гумара кушетку. Возле Хайдара, уставившегося безразличным взглядом в белый больничный потолок, засуетился дежурный медперсонал. В эту минуту раздался тяжёлый стон Гумара.

— Сын! — хрипло вскрикнул дед Галим и подался ему навстречу.

— Успокойтесь! Не окликайте его!

— Папа... Па-па...

— Гумар!

— Па... па, — выговорил из последних сил Гумар и смолк. Отяжелевшая голова медленно повернулась в сторону лежащего рядом Хайдара.

— Сынок! — пересохшим ртом пролепетал дед Галим.

Перепуганный Хайдар цеплялся беспомощным взглядом то за врача, то за Галима, то за медсестру. Медсестра, быстро обретя спокойствие, начала вводить иглу шприца в вену Хайдара.

В палате воцарилась тишина. И только Галим, съёжившись в дрожащий комочек, трясущимися закорючлыми ладонями смахивая слёзы с дряблых щёк, изрезанных глубокими морщинами, беззвучно всхлипывал, отвернувшись к стене. С его губ, словно далёкое, неведомо откуда доносящееся эхо, срывалось почти несвязное:

— Сы-ы-н-о-очек, с-ы-н-о-к...